

ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ ОБЩЕСТВО В ФОРМИРОВАНИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ОКРУГИ ПОНИЗОВЫХ ГОРОДОВ В XVII – НАЧАЛЕ XVIII ВВ. (НА ПРИМЕРЕ САМАРЫ)

Вопрос о тесном хозяйственном взаимодействии русского средневекового города с прилегающей к нему сельской округой, окружающим крестьянским «миром» до настоящего времени сохраняет свою актуальность и значимость. Городские окраины плавно перетекали в пахотные земли, сенокосные и лесные угодья, конские и «скотские» выпасы. Жители предместий нередко занимались сельским хозяйством едва ли не в той же степени, что и крестьяне окружающих селений. Горожане упражнялись в огородничестве, садоводстве, имели приусадебные участки [1, с. 176–179; 2, с. 299]. В частности, самарские огороды находились «за городом, за Вознесенскою слободою» [3, д. 59, л. 18об.]. Среди надворных построек постоянно упоминаются конюшни, коровники и т. д. Жилая застройка Самары была опоясана широким кольцом огородов, конских и скотских выпасов. Конские табуны пасли на волжских островах, в пойменных лугах «Самарского урочища», в междуречье, у «надолб». Неоднократно эти табуны подвергались нападениям кочевников, порой их воровски отгоняли [4, д. 1, л. 530, 533]. Отдельные участки таких выпасов, «сенных покосов» могли находиться во владении одной семьи. Например, в начале 1680-х гг. «самаренин» Кирилл Чигров владел «...отцовскими сенными покосами за Самарою рекою» [3, д. 230, л. 240, 462]. Далее за выпасами находились леса для общего пользования – дровяники и т. д. В эту пригородную сельскохозяйственную округу входили: «Самарское урочище», острова по рекам Волге и Самаре, лесные и степные пространства – вплоть до современных Студеного оврага и Семейкинского леса.

Интерес к землям, окружающим город, проявлялся у представителей всех групп местного населения. Для значительной части местных жителей, церковных корпораций это была реальная возможность экономического выживания, обеспечения своих жизненных потребностей. Власти городских монастырей всеми правдами и неправдами добивались вотчинной земли в пределах своего уезда. Дворяне и дети боярские, составлявшие служилый город, здесь же

«испомещались» дачами. Иноземцы и приборные люди при каждом удобном случае пытались также приобрести земли и уголья. Если для жителей внутренних русских городов препятствием для таких раздач являлся, прежде всего, недостаток удобных земель, то в пограничье, на окраинах государства трудности складывания сельской округи объяснялись другими причинами. В зоне фронта, непосредственного соприкосновения с кочевьями степняков, сельское расселение было возможно только под защитой засечных линий, военных гарнизонов. Государство нередко не имело возможностей в кратчайшие сроки создать такую систему. Так, на юго-востоке Европейской России у многих городов, возникших, прежде всего, как крепости, перевалочные пункты на волжском транзитном пути, не имелось своей земледельческой округи, уездов с разветвленной системой сельских поселений (Астрахань, Саратов, Царицын, Черный Яр, отчасти Самара и другие) [5, с. 227].

Военизированное и немногочисленное посадское население таких городов могло обеспечить свои экономические потребности только обслуживанием волжского судоходства, караванных дорог из Средней Азии, рыболовецких и других местных промыслов. Саратов, например, смог обзавестись земледельческой округой только в первой половине XVIII в., а Царицын и Астрахань и того позже. Счастливым исключением в этом ряду стала Самара, вскоре после завершения Смуты обретшая свой уезд на территории Самарской Луки. В данном случае произошло достаточно парадоксальное явление: город и горожане сами создавали свой уезд, в значительной степени способствовали его заселению, формированию различных форм землевладения, типов хозяйствования. Там, на сравнительно локальном пространстве, под контролем местных воевод начал складываться земледельческо-промысловый район с постоянными сельскими поселениями и оседлыми жителями. Первое известное нам упоминание о Самарском уезде появилось во второй половине 1620-х гг. [6, д. 562, л. 114–116; 7, с. 955–959] Трудно судить о размерах его территории. На всем протяжении XVII в. «под Самарой» находилось население, размещавшееся в восточной и центральной части Самарской Луки, до границ с Надеинским Усольем (примерно по линии между современными с. Брусяны – г. Жигулевск). Кроме того, самарская администрация ведала волжскими рыбными ловлями и примыкающими к ним незаселенными землями от «Атрубы», напротив современного Тольятти (Ставрополя), и до устья

Большого Иргиза. Как далеко простиралась власть местных воевод в Заволжье, выявить невозможно. Такая неупорядоченность границ была обычной для уездов, находившихся в окраинных и мало-заселенных районах России. Администрация Самары, хотя и ограниченная жесткими рамками правительственной регламентации, могла практически полновластно распоряжаться на вверенной ей территории.

Сельское расселение происходило только на Правобережье (Самарской Луке). Плодороднейшие земли Заволжья до начала XVIII в. практически не осваивались. В 1688 г. к Самаре приписали по государеву указу 120000 десятин земли на левом «степном» берегу Волги. К началу XVIII в. эти угодья наконец-то были размежеваны. Вокруг города, в междуречье рек Самары и Сока, начала складываться сельскохозяйственная округа, состоявшая из небольших участков пашни, «конских и скотских выпасов», лесных и промысловых угодий. Однако всерьез заниматься здесь земледелием городское население не могло [8, д. 63]. Освоению Заволжья, прежде всего, препятствовала угроза нападения кочевников. Самарские служилые люди в большинстве своем предпочитали устойчивое денежное и хлебное государево жалованье поместным «дачам» на опасных землях.

Почти всеми удобными для земледелия «подгорными» землями восточной части Луки уже в начале XVII в. завладел самарский мужской Спасо-Преображенский монастырь. В его вотчине расположились крупнейшие селения уезда – Рождествено, Подгоры, Новинки и др.; возник крупный сельскохозяйственно-промысловый район. Позднее, в начале 1670-х гг., все эти владения отошли в дворцовое ведомство [9, с. 23–24].

Первые сведения о появлении поместий служилых людей по отчеству на территории Самарского уезда относятся к началу 1640-х гг. [10, с. 336–338; 9, с. 23–24]. В 1643 г. М. Филитов получил 30 четвертей земли в прибрежной части Ширяевского оврага и поселил там д. Ширяев Буерак [11, д. 3609, л. 198–198об.]. Еще одному сыну боярскому В. Порецкому в межгорных долинах на севере и юге Луки дали землю в поместье (100 четв. и сенные покосы) в 1644 г., где он основал д. Моркваша и Осиновый Буерак [12, д. 67, л. 99]. Но только в конце XVII – начале XVIII в. наблюдается повышенная активность самарских дворян и детей боярских, стремившихся заменить причитавшееся им хлебное и денежное жалованье помест-

ным окладом. Такой резко усилившийся интерес провинциальных служилых людей к земле можно объяснить изменением ситуации, сложившейся в южных районах Средневолжья. Граница оседлого земледельческого расселения на Правобережье охватывает Самарскую Луку и уходит дальше на юг, к Саратову. На Левобережье пока еще робко поток переселенцев переваливает через Закамскую линию, через «вал» и шаг за шагом начинает осваивать земли к югу от р. Б. Черемшан, прибрежную полосу Волги, среднее течение Сока. Правительство, заинтересованное в том, чтобы посадить служилых людей окраинных городов на землю, рассылало в местные приказные избы указы с требованием найти удобные для испомещения земли.

Однако удобной и безопасной земли для такого испомещения на Правобережье почти не было. В описаниях земельных угодий (1697 г.) традиционно говорилось: «... в Самарском де уезде на нагорной стороне порозжих земель для селидьбы... нет, вся в дачах. А на луговой стороне в степи за Самарою посадить... от приходу воинских людей опасно» [13, д. 10845, л. 1]. И все же владения самарских помещиков на Луке продолжали расти. Так, в 1693 г. получают в поместье: И. Кротков – 50 чет. «примерной» земли, И. Перфильев и С. Исаков – 100 чет. [12, д. 66, л. 83–85]; в 1684 гг. из наследства А. Кроткова в д. Мордове получает 9 чет. его дочь Ульяна [12, д. 66, л. 166]. Однако к концу XVII – началу XVIII в. случаи наделения землей на Самарской Луке становятся все более редкими. Часто они сопровождаются попыткой обмануть местные власти и ввести их в заблуждение. Например, в 1702 г. по челобитью самарцев Ивана и Трифона Вотмоновых им дали: Ивану 50, а Трифону 30 чет. пахотной земли и по 500 копен сена рядом с «новодесятинной пашней» у Брусянского оврага. При проверке документов одного из Вотмоновых в 1723 г. на пожалованную его родственникам землю выяснилось, что в 1703 г. глава приказа Казанского дворца Б.А. Голицын запретил их испомещать, а все излишние земли велел приписать к новодесятинной пашне «в прибыль». Это указание и было выполнено, но только в 1723 г. [14, д. 1407, л. 66–73].

В 1704 г. на земле запустевшей чувашской д. Винновки («Высокая Поляна тож») поселили своих крестьян и посеяли хлеб самарские дворяне Я. и К. Племянниковы, Б. и П. Бронсковы (Бронские). Эта акция со стороны местных помещиков также была не санкционирована уездными властями, и поэтому в 1705 г. началось

расследование. В итоге владельцам было велено освободить самовольно занятую землю и выселить с нее своих крестьян [13, д. 10847, л. 1–10б.].

Выборочная сверка данных переписной книги 1702 г., составленной приказными людьми Генерального двора в с. Преображенском, о поместном землевладении дворян и детей боярских Самары с совпадающими с ней хронологически другими документами этого же учреждения («Алфавитными указателями ...» и «Книгами сборными с даточных людей...») показала, что они в значительной степени уточняют и дополняют данные переписной книги [13, д. 10847, л. 1002об.]. Нередко отдельные самарские дворяне, не владея землей в своем уезде, получали ее в смежных уездах Среднего Поволжья. Например, Д. П. Топорнин имел такие владения с 6 крестьянскими дворами в с. Манакове Симбирского уезда; И.Б. и М.Б.Ленивцовы – 4 двора в д. Ивановке Симбирского уезда и т. д. [15, д. 5039, л. 140об.].

В целом местные служилые люди, если судить по количеству дворов им принадлежащих, относились к группе мелких землевладельцев.

В сводной ведомости 1 ревизии (1719 г.) по Самарскому уезду указаны 7 селений с помещичьими крестьянами, из которых в одном самом крупном – с. Моркваши – жили вместе дворцовые и помещичьи крестьяне. За исключением с. Осиновки, все они располагались на волжском побережье, занимая окраинные, по сравнению с дворцовыми и монастырскими вотчинами, территории. Всего показано 25 владельцев, в среднем на одного приходилось по 21,7 душ м.п. Самым богатым из помещиков был Г.М. Воейков, владевший в с. Ермаково 125 д.м.п. На втором месте находился И.Г. Порецкий (с. Осиновка, 93 д.м.п.). Значительно уступали им И.Г. Порецкий (35 д.м.п.), А.Н. Кольцов (32 д.м.п.) и П.Г. Филитов (Филатов?) (32 д.м.п.). За исключением этих 5 помещиков, владевших 58,5 % всех помещичьих крестьян (317 д.м.п.), на долю остальных 20 в среднем приходилось по 11,3 д.м.п. Только в Осиновке и Кольцовке состояло по 1 владельцу-помещику, в Мордове – 2, в Морквашах – 8 (и еще дворцовое ведомство), в Ермаково – 6, в Ширяево – 7. Большинство из многочисленных собственников, бывших наследниками первых владельцев, перероднились между собой. Складывались кланы помещиков. Например, в Морквашах трое Ярцовых владело 39 д.м.п., трое Чириковых – 62 д.м.п., двое Бронских – 20 д.м.п. В Ермаково

трое Филитовых (Филатовых) – 55 д.м.п. Среди помещиков указаны 4 женщины (вдовы), которым принадлежали 41 д.м.п.

Помимо служилых людей по отечеству, интерес к получению земель проявляли представители и других групп самарского гарнизона, прежде всего так называемые иноземцы. В 1697 г. в ответ на указную грамоту из Москву с требованием испоместить 72 служивших по Самаре иноземцев местный воевода И. Колюбакин писал об отсутствии удобных для поселения земель [13, д. 10845, л. 1]. Сами иноземцы также считали, что «в Самарском де уезде порозжей земли ныне нет, а которая де самарская порозжая земля была, и на той земле от Сызрану вверх по Волге реке построена Вознесенского монастыря слобода, а от той слободы вверх ж Волгою рекою на Печерских горах построена станишная слобода к городу Синбирску...» [13, д. 0845, л. 2]. Составители этого дела приходят к выводу, что испоместить такое количество иноземцев, или даже часть из них, в Самарском уезде невозможно. Характерно, что обозримые границы удобного для наделения землей района, судя по вышеприведенному тексту, простираются на запад до Печерской и Городищенской (сегодняшний г. Октябрьск) слобод, то есть охватывают территорию всей большой Самарской Луки (граница на западе – Сызрань-Усолье).

Как и на других окраинных территориях, в Самарском уезде в XVII в. появляется так называемая «десятинная пашня». Ее должны были обрабатывать местные государственные и дворцовые крестьяне; урожай с нее шел для обеспечения местного гарнизона и других нужд. Первые сведения о десятинной пашне появляются в 1650 г., когда «дворцовые крестьяне Иван Опара с товарищи» подали челобитную самарскому воеводе И.А. Головачеву, в которой говорилось о том, что поселили их у р. Брусяны «на новодесятинной государевой пашенной земле своими дворами» [11, д. 3609, л. 198]. Видимо, через некоторое время эта пашня была заброшена и возобновлена вновь в начале 1670-х гг., когда самарскому воеводе В. Эверлакову в 1671 г. было поручено «десятинную пашню завести вновь». Еще в одном документе, уже в 1677 г., было «велено в дворцовых самарских селах... и у десятинной пашни быть жильцу Даниле Аккерменеву». Об этом же свидетельствуют споры, разгоревшиеся несколько между уездными и монастырскими (Надеинского Усолья) властями, по вопросу размещения новодесятинной пашни, для которой было подыскано место в окрестностях Брусянского

оврага [13, д. 10845]. По данным писцовых книг Самарского уезда 1684–1685 гг., ее размеры составляли 120 десятин в 3 полях; сами крестьяне сообщали о 500 десятинах «а в дву потому ж» [14, д. 1407, л. 64об.]. Последняя цифра, скорее всего, завышена. Первоначально эту повинность должно было нести все население дворцовых сел и деревень – русских, мордовских и чувашских; затем только русских. Обрабатывать брусянскую десятинную пашню действительно было тяжело, прежде всего из-за дальности. Крестьяне сообщали, что они вынуждены были постоянно жить у этой пашни (д. Брусяна); не могут ее хорошо обрабатывать, многие из них разорились от этой повинности. В 1711 г. они подали челобитную о том, что «разбредлись врозь». Это, скорее всего, отражало реальную ситуацию. В том же 1711 г. их освободили от данной повинности, а землю у Брусянского ключа передали в оброчное пользование [14, д. 1407, л. 64об.].

Таким образом, сельскохозяйственное производство смогла наладить лишь небольшая группа жителей Самары. На протяжении всего XVII в. земледельческая округа не могла обеспечить городских жителей хлебом. Его приходилось завозить из других районов страны. Подавляющее большинство служивых людей в местных гарнизонах получало жалованье не земельными дачами, а деньгами и хлебом [16, с. 51–65].

Библиографический список

1. Шенников А.А. Поселения // Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 1.
2. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2003. Т. 1.
3. Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 233. Оп. 1.
4. Там же. Ф. 119. Оп. 1.
5. Гераклитов А.А. Самара и Самарский уезд в XVII в. (по записным книгам Печатного приказа) // Классика самарского краеведения: антология. Вып. 1. Самара, 2006.
6. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 303 I.
7. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1907. Т. 15.

8. Государственное учреждение Самарской области «Центральный государственный архив Самарской области». Ф. 873. Оп. 1.
9. Самарская Лука в XVI – начале XX вв. / Смирнов Ю.Н. [и др.]. Самара, 1995.
10. Дубман Э.Л. Дворяне и дети боярские Самары в конце XVII – начале XVIII века: состав и землевладение // Аграрная сфера в контексте российских модернизаций XVIII – XX веков: макро- и микро-процессы: сб. статей. Оренбург, 2010.
11. РГАДА. Ф. 396. Оп.2. Ч. 5.
12. Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 38. Оп. 1.
13. РГАДА. Ф. 281.
14. Там же. Ф. 1239. Оп.52.
15. Там же. Ф. 1209. Оп.4.
16. Окладная расходная роспись денежного и хлебного жалованья за 1681 год // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1893. Кн. 4.

Л.М. Артамонова

Самарская государственная академия культуры и искусств

**«ПРЕЖДЕ ДОЛЖНО УЧИНИТЬ СВОБОДНЫМИ ДУШИ,
А ПОТОМ УЖЕ ТЕЛА»: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ДЕЯТЕЛЕЙ 1780-Х ГОДОВ О ПРОСВЕЩЕНИИ КАК УСЛОВИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНЫХ РЕФОРМ**

150-летие отмены крепостного права, которое отмечается в этом году, подвигло научную общественность обратить более пристальное внимание как на проведение и последствия «Великой реформы», так и на ее предысторию. Путь к этому событию был долгим и нелегким. Он начался еще до начала 19-го столетия, причем не столько с реальных административных и законодательных шагов, сколько с идеальных представлений и перемен в сознании. Свой след на этом пути оставили идеи, рожденные в «эпоху Просвещения», которая в России ассоциируется с последней третью XVIII века и правлением Екатерины II.

Историю русской общественно-политической мысли не стоит рассматривать исключительно через призму трактатов мыслите-